

УДК 81'1

ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ТЕКСТА В ДЕЙСТВИЯХ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются типичные отклонения от печатного или письменного текста в подлинных актах чтения вслух в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской). Осуществляется их классификация, представляется перечень зафиксированных отклонений и анализируются два из них: вставки или вкрапления в текст несуществующих в нем фрагментов и пропуск сегментов печатного текста. Устанавливается частотность девиаций, изучается специфика их манифестации в зависимости от гендерной идентичности читающего субъекта. Вставки в ткань текста в женском чтении, как правило, сигнализируют эмоциональное состояние, обдумывание содержания или являются знаками апелляции к собеседнику. Коммуникативная сущность данного чтения может быть представлена в виде модели «текст, собеседник и я, читающий субъект». В мужском чтении вставки сигнализируют обдумывание содержания. Сущность такого чтения представляет модель «текст и я, читающий субъект».

Введение. В соответствии с идущей еще от Гумбольдта интерпретацией языка последний все чаще понимается как деятельность и форма поведения человека, отражающая социальные условия его обитания, саму его жизнь во всех ее частностях и общих характеристиках. Значительное количество выдающихся работ в области лингвистики описывают язык именно в таком его качестве [1 – 3]. В большинстве случаев, однако, из поля зрения исследователей выпадает одна из важнейших разновидностей языковой деятельности человека, а именно чтение вслух.

Безусловно, имеется значительное количество работ, посвященных так называемому правильному, образцовому или эталонному чтению вслух. Потребность в таких работах огромна, ибо они помогают вычленивать те особенности фонетической организации вербального материала, которым должен следовать читающий для достижения наилучшего эффекта, особенно в целом ряде регламентированных ситуаций. Вместе с тем при таком подходе совершенно неисследованным остается так называемое коммуникативное или реальное чтение вслух, которое, по верному утверждению специально занимающегося данным вопросом Д. Бразила, только и дает информацию о том, как в действительности осуществляется деятельность чтения вслух в различных актах общения [4, с. 22]. Информация подобного рода имеет очевидную практическую ценность, ибо позволяет установить черты реального чтения вслух, практикуемого в конкретном социуме, определить и систематизировать те ситуации, в которых оно осуществляется. Кроме того, она позволяет поставить вопрос о правомерности существующих подходов, в соответствии с которыми любые отклонения от эталонного чтения считаются невозможными и интерпретируются как сигналы недостаточности хорошо развитой перцептивно-смысловой базы или воспринимаются как знаки недостаточного владения набором фонетических, лексических и грамматических информативных признаков, которые, по утверждению методистов, только и делают процесс опознавания мгновенным и эффективным [5, с. 224].

Настоящая работа выполнена в рамках более широкой проблемы репрезентации гендера средствами языка. Наш интерес к деятельности чтения вслух оказался спровоцированным сформированной нами в начале изучения гендерного аспекта языковой вариативности гипотезы, в соответствии с которой не все аспекты языковой деятельности маркированы в гендерном плане. Мы полагали, что определенные разновидности языковой деятельности, равно как и некоторые единицы языка, могут оставаться нейтральными в отношении гендерной составляющей процесса общения. В качестве разновидности нейтральной в гендерном плане деятельности гипотетически обозначалось чтение вслух. Предполагалось, что единственным маркером гендера в таком случае будет только голос коммуниканта. Сам же читаемый текст, его языковые характеристики, просодические и сегментные в том числе, останутся неизменными, так как они диктуются структурой представленного в печатном виде текста и теми правилами образцового чтения, которые установлены в специальных исследованиях.

Анализ результатов чтения вслух сначала только подобранных для эксперимента текстов, а потом и подлинных записей чтения вслух в аутентичных актах общения в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской) позволил получить данные, противоречащие разработанной нами гипотезе, частично представленные в ряде публикаций [6, с. 25 – 28]. Оказалось, что реальное чтение вслух, как и говорение, имеет гендерно специфические черты, не связанные только с характеристиками голоса говорящего субъекта.

Одна из самых интригующих особенностей состояла в том, что, как правило, женщины читают вслух быстрее, чем мужчины, в то время как чтение про себя данной тенденции не обнаруживает.

Другой особенностью подлинного чтения вслух было наличие определенного количества отступлений от печатного текста или погрешностей, которые в той или иной степени обнаруживались в действиях чтения испытуемых во всех сопоставляемых культурах. Процент девиаций был небольшим, даже в группах со средним и незаконченным средним образованием, и им можно было пренебречь, или позволить предварительную подготовку к чтению, или повторить попытку. Мы же, следуя известному тезису Фрейда о значимости всех типов отступлений, оговорок и неточностей, решили включить их в объект нашего анализа, полагая, что зафиксированные отклонения являются неотъемлемой чертой рассматриваемых нами языковых событий и должны быть изучены наряду с другими характеристиками чтения вслух.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что оно привлекает внимание к повторяющимся неточностям в аутентичном чтении вслух, классифицируя их и показывая, что многие девиации, считающиеся при структурном, генерализующем подходе погрешностями, на самом деле несут в себе черты определенной социализации читающего субъекта, хотя, как правило, в значительном количестве случаев остаются незамеченными обычными носителями языка, в том числе и высокообразованными. Актуальность исследования – в расширении нашего представления о гендерных расслоениях в речевой деятельности человека и об особенностях репрезентации смысла средствами языка в целом, показывая сложность и многоаспектность феномена языка.

Объектом настоящего исследования является чтение вслух как разновидность речевой деятельности в четырех культурах. Непосредственным предметом исследования выбраны гендерные особенности отклонений от печатного текста, встречающиеся в реальных актах чтения в виде пропусков фрагментов текста или вкраплений в него не принадлежащих ему сегментов.

Цель настоящего исследования – установление наиболее характерных отклонений в действиях чтения вслух и анализ вставок и пропусков языковых фрагментов, допускаемых в актах чтения. Мы полагаем, что как вставки, так и пропуски любых элементов текста при чтении вслух могут иметь гендерную специфику и соотноситься с гендерной идентичностью читающего субъекта.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) регистрацию и классификацию всех допущенных неточностей в актах чтения;
 - 2) выявление разновидностей вставок и пропусков, допускаемых читающими субъектами. Тщательный анализ контекстов их дистрибуции;
 - 3) фиксацию возможных социальных факторов, способных содействовать появлению пропусков.
- Изучение роли гендерной составляющей в данном плане.

Основная часть. Многократное тщательное прослушивание записей подлинных актов чтения вслух позволило получить перечень незначительных и, в большинстве своем, фактически незаметных для участников самого акта чтения отступлений от печатного текста. Таковыми в нашем эксперименте оказались следующие:

- 1) средства апелляции к собеседникам-слушателям, вкрапленные в ткань читаемого текста;
- 2) вербальные и невербальные знаки, то есть определенные жесты, взгляды, реализованные в специально сделанных для данных жестов паузах, а иногда и потребовавшие пауз после своей реализации.

В данную группу нами относились:

а) краткие вербальные реплики типа «*Ці чуеш ты?*», «*а?*» «*слухайце сюды*», «*от так тачкі так*», «*як (яно), а?*», «*Интересно, а?*» и т.п.;

б) повторы наиболее важных с точки зрения читающего фрагментов текста;

в) междометия и вокализованные вставки типа «*- о-о!*», «*Ну!*», «*Цц!*», «*Ге-ге-ге!*», [(q)N(N)];

г) дисфлуэнтные вкрапления в форме:

- ложных начал, пропусков, дисфлуэнтных повторов звуков, слогов, слов,
- оговорок, когда читающий в некоторой степени модифицирует определенные фрагменты текста,
- длительных пауз и фрагментов молчания,
- знаков, манифестирующих работу читающего коммуниканта по уяснению содержания текста, сигналов его апелляции к себе, своему сознанию: «*мм*», «*э-э*», «*ггг*», «*ўўў*», «*Так, стой, стой!*». Данные знаки можно интерпретировать как сигналы трудностей, испытываемых читающими при переводе печатного текста в звуковой ряд.

В соответствии с установленной многими лингвистами приверженностью женщин следовать правилам и принятым в данном обществе нормам пользования языком оправданным представлялось предположить, что обозначенные отступления от вербальной структуры печатного текста чаще реализуются в мужском чтении вслух. Полученные нами общие данные о количестве девиаций не вполне подтверждают высказанное предположение. Прежде всего потому, что они оказались достаточно соотносимыми, хотя конкретные абсолютные величины, как правило, незначительны – всего на несколько значений больше у мужчин.

Дифференциация данных об отклонениях по группам значительно изменила полученную на основе общих показателей картину. В женском чтении явно преобладали знаки апелляции к собеседнику, вокализованные вставки и междометия. Кроме того, повторы наиболее важных фрагментов в женском чтении были явно результатом учета потребностей слушающей стороны. В мужском их смело можно было объединять со знаками, манифестирующими усилия коммуниканта по постижению сущности читаемого текста. Сказанное справедливо о значительной части сделанных ими длительных пауз и молчаний. Кроме того, знаки работы с текстом, уяснения его смысла сами по себе чаще всего фиксировались в мужском чтении (например, замедленное произнесение каких-то фрагментов тоногруппы или клаузы). Такие знаки воспринимались больше как «я и текст», в то время как в женском варианте слушатели несомненно являлись не менее важным конституэнтном акта чтения, чем текст. Такой подход лучше всего может быть в самом общем виде представлен через последовательность «слушатели, текст и я, читающая «сторона». Не случайно почти все повторы наиболее важных фрагментов в женском чтении явно были сделаны в ответ на возгласы слушающей стороны. В плане временных затрат зафиксированные апелляции к слушателям оказались весьма экономичными, не нарушающими развитие текста.

Знаки обдумывания каких-то фрагментов текста, напротив, в значительном количестве случаев были весьма «времяемкими», равно как и соотносящиеся с обдумыванием паузы и фрагменты молчания. Именно такие отклонения от печатной формы текста, по нашим подсчетам, на 10 – 60 % объясняют более длительное время чтения вслух коммуникантами мужчинами.

Примечательно, что в нашем материале, помимо гендерных, достаточно четко прослеживаются культурные различия. Так, белорусские мужчины в качестве знаков проникновения в текст явно предпочитают молчание или длительные паузы. Далее следуют по частотности дисфлуэнтные вставки типа [H] – выдоха, ʔ-ʔ-ʔ, знаки в виде движений бровями, губами, глазами. Наиболее экстравертными в данном плане оказались американцы.

Дисфлуэнтные и девиантные вставки-неточности при чтении вслух также оказались ответственными за 5 – 15 % увеличенного времени у большинства читающих коммуникантов. Углубленно в настоящем исследовании изучается одна из них – пропуски.

Последние оказались одной из весьма характерных неточностей в наших записях актов чтения вслух. Результаты анализа показывают, что они могут быть пропусками целой строки в печатном тексте, значительно реже слова. Чаще же всего опускаются звуки, морфемы-слоги. Например:

1. *These are highly specialized abstraction(s).*
2. *This interest in speech perform(ance).*
3. *...аджытых рэлігій (ных) традыцый ...*
4. *... з на (пры)ліпанымі на іх ігліцамі ...*

Примечание. Подчеркнутыми являются ударные слоги в тех словах, в которых при чтении вслух оказались пропущенными определенные сегменты. Последние, то есть пропуски, заключены в скобки.

Общее количество таких неточностей оказалось незначительным в чтении как мужчин, так и женщин, особенно в группе «Высшее образование». В отличие от пропуска строки, они могли оказаться незамеченными как читающими, так и слушающими. Более того, при первом прослушивании многие из них оказались незаметными даже для исследователей чтения. Несмотря на незначительное количество пропусков у нас не оказалось коммуникантов, которые смогли бы прочитать вслух предложенные им или отобранные ими самими тексты без каких бы то ни было пропусков. Во всех культурах их совершали заметно больше лица с незаконченным средним образованием. Менее четко прослеживаются гендерные отличия, но все-таки во всех культурах и группах женщины совершают их чуть меньше (обычно на 10 – 20 %). Предполагаемая нами связь между скоростью чтения про себя и количеством пропусков при чтении вслух не подтвердилась. Наиболее быстро читающие про себя коммуниканты, как правило, это были люди с высшим образованием, делали примерно столько же пропусков, сколько и менее быстро читающие про себя коммуниканты с высшим образованием.

Заметная связь обнаружилась только с количеством опыта чтения вслух. Оказалось, что во всех культурах именно женщины значительно чаще читают вслух, чтоб приобрести хорошие умения чтения, выучить уроки (в школьном и даже студенческом возрасте), подготовиться к занятиям совместно с подругой, играя в учительницу или школу. Кроме того, они читают своим младшим братикам и сестричкам, готовятся к прочтению стихов или прозы на специальных мероприятиях, драматизируя с подругами любимые сказки. Во взрослом возрасте именно женщины читают детям, а потом и внукам. Именно они читают с ними вслух, чтобы помочь им подготовиться к их выступлениям, занятиям.

Мужчины на вопросы о чтении вслух обычно пожимали плечами, не могли вспомнить опыт такой деятельности, если не считать уроков по чтению в школе. Чтение вслух для них в значительном количестве случаев связано с приобретением техники чтения для успешного выполнения соответствующих за-

даний, то есть с сугубо личной деятельностью. Только некоторая часть коммуникантов старшей возрастной группы отметила в своем опыте чтение вслух для внуков, причем чаще обучая их чтению, чем читая что-то для них. Также несколько представителей английской и американской культур упомянули чтение вслух как часть подготовки к публичному выступлению.

Чтение вслух как деятельность оказалось в значительно большей мере частью женского опыта, чем мужского. Кроме того, мужское чтение вслух, если оно имеется в опыте коммуниканта, в значительной степени направлено на себя (подготовка к собственному выступлению) или на обучения технике чтения других. Женское же чтение вслух чаще ориентировано на совместное действие. В результате в их экспериментальном чтении пропусков, равно как и других неточностей, оказалось меньше. Целесообразно отметить, что те немногие мужчины, которые в своих анкетах отметили тот или иной опыт чтения, также допустили меньшее количество неточностей при переводе текста из печатной формы в устную.

Количественные характеристики, однако, не исчерпывают все отличия в действиях чтения вслух, связанные с пропусками. Далеко не всегда читающие вслух коммуниканты их замечали и пытались исправить. Так, в мужском чтении исправленными оказались только 12,5 – 15 % всех ошибок, связанных с пропусками, в женском – 45 – 50 %. Кроме того, время, потраченное на исправление и особенности исправления, оказалось разным.

Женские излюбленные тактики исправления состоят в следующем:

- 1) быстрой коррекции ошибки, иногда двух или даже трехкратной;
- 2) сопровождении корректирующих действий жестами подтрунивания над собой, неодобрения своей неумелости или выказыванием некоего возбуждения по поводу ошибки;
- 3) артикуляции такого неодобрения или возбуждения с помощью междометий, вокализованных вставок, например: *oï!*, *Ц-ц!*, *Now!*, */H/*, */ah/*, *ha-ha!*;
- 4) изредка даже комментариев или вопросов типа: *Что это я?*, *Well!*, *Now!*

Мужчины в таком случае чаще делают паузы, присматриваются к тексту, слегка обозначая свою осведомленность в совершении ошибки, немного выпятив губы, приподняв брови (бровь), дотронувшись до лба или затылка и после этого исправив чтение какого-то фрагмента текста.

Несмотря на значительно меньшее количество исправлений пропусков, время, потраченное на данные действия, у мужчин и женщин оказывается практически одинаковым, так как женщины, заметив ошибки, как правило, тут же их исправляют, при этом часто темп артикуляции исправленного варианта у них быстрее общего темпа чтения текста. В результате у исследователя создается впечатление, что чтение вслух по количеству и особенностям исправления пропусков по гендерному признаку не отличается, и приходится несколько раз перепроверять установленные показатели различия.

Последние заключаются еще и в том, что мужские пропуски могут сопровождаться длительными паузами, за которыми не следует исправление ошибки. У белорусов такие неисправления наблюдаются чаще, чем у коммуникантов других сопоставляемых культур. Обычно такие паузы сочетаются с определенной мимикой: приподниманием бровей, выпячиванием губ, более пристальным рассматриванием текста, дотрагиванием до лба, висков, затылка. Белорусам свойственно именно последнее – в молодом возрасте прикладывание руки к вискам или лбу, в старшем – дотрагивание до затылка. Англичане больше прибегают к выпячиванию или растягиванию губ, американцы добавляют еще и движение бровей. Русские к типичному арсеналу белорусов добавляют дотрагивание до груди, однако и движения бровями также являются весьма частотными для них действиями.

Анализ фонетических характеристик фрагментов, в которых совершились те или иные пропуски, позволил получить данные, проливающие свет на некоторые тенденции в совершении пропусков при чтении вслух. Казалось бы, можно предположить, что пропуски сегментов текста больше всего вероятны в невыделенных, менее значимых словах. Оказалось, вовсе нет. В подавляющем большинстве случаев как мужского, так и женского чтения опускаются или недоговариваются сегменты (т.е. звуки, слоги, морфемы) в словах с четкой выделенностью. Подчеркнутые слоги в приведенных примерах (4 – 7) обозначают именно такие участки выделенности. Примечательно, что сами выделенные сегменты (слоги), тем не менее, никогда не пропускаются. Более того, акцентная структура слов из-за недоговоренностей не меняется. Так, в примере 3 ударным слогом остается «*гій*», хотя, казалось бы, логичнее для усеченного варианта иметь его на втором слоге. Сохранение акцентной структуры слов, претерпевающих пропуски, видимо, весьма содействует незаметности допущенных неточностей не только для воспринимающих чтение на слух коммуникантов, но даже и для исследователей, требуя от последних значительной сосредоточенности и концентрации внимания на реальной форме фрагментов прочитанного текста.

Кроме того, полученные данные убедительно показывают прочность акцентной структуры слова как языкового феномена, ее способность сохранять свою «идентичность» даже в весьма опасных ситуациях неадекватной реализации вербальной структуры слова. Представленные данные подтверждают также значимость выделенностей в акцентной структуре слова, их прочные позиции в перечне характеристик языковой компетенции личности.

Анализируя представленные в настоящей работе данные о неточностях при чтении вслух, правомерно сделать следующие **ВЫВОДЫ:**

1) реальные действия чтения вслух осуществляются с определенным, как правило, небольшим количеством разнообразных неточностей или девиаций от печатного текста;

2) отступления от текста при чтении вслух характеризуют действия чтения представителей всех гендерных групп. Общие показатели частотности отклонений от печатного текста гендерно мало дистинктивны;

3) встречаемость установленных разновидностей отступлений имеет явную гендерную специфику. Так, авторские вставки – сигналы эмоционального состояния и знаки апелляции к собеседнику – преобладают в женском чтении, коммуникативную сущность которого можно представить с помощью модели «текст, собеседник и я, читающий текст». Вставки – знаки постижения читаемого – чаще соотносятся с чтением коммуникантов-мужчин, сущность которого правомерно представить в форме «текст и я, читающий субъект»;

4) гендерные и культурные особенности в ряде случаев действуют совместно: длинные паузы и фрагменты молчания-обдумывания фрагментов текста в действиях чтения мужчин-белорусов, назализованные вставки как сигналы эмоциональных состояний у американок, придыхания у англичанок, у короткое у белорусок, вокализации у русских;

5) пропуски фрагментов текста как разновидность отклонений достаточно универсальное явление, наблюдаемое в действиях чтения вслух во всех сопоставляемых культурах. Вместе с тем гендерные отличия по показателю пропусков фиксируются во всех культурах и заключаются в большей их частотности в мужском чтении. Кроме того, в действиях коммуникантов-мужчин они значительно чаще остаются неисправленными. Тактики исправления допущенных неточностей также гендерно специфичны.

Зафиксированные неточности, частотность их реализации, гендерные и культурные особенности их проявления в значительной мере подтверждают мнение исследователей о значимости корреляций между языком и жизнью. «Язык не есть порождение логики», – утверждает Ш. Балли, «ибо для жизни, которую он выражает, чистые идеи ни к чему» [1, с. 27]. Наше исследование показало, что сказанное правомерно и о действиях чтения вслух. Читая, мы не просто перекодируем письменный текст в устный, но привносим в него те проявления жизни и предшествующего опыта, которые оказались существенными для осмысления содержания текста и представления его в другой форме в каждом конкретном акте чтения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М.: УРСС, 2003. – 230 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Halliday, M.A.K. Spoken and written language / M.A.K. Halliday. – Oxford: OUP, 1992. – 109 p.
4. Brazil, D. Communicative Reading / D. Brazil. – Cambridge: CUP, 2006. – 214 p.
5. Гез, Н.И. Обучение чтению / Н.И. Гез, Н.Д. Гальскова // Теория обучения иностранным языкам. – М.: АCADEMIA, 2009. – С. 224 – 246.
6. Путрова, М.Д. Гендерные особенности просодии прочитанного вслух текста. В поисках позиции нейтрализации / М.Д. Путрова // Гендер и проблемы коммуникативного поведения. – Новополюцк: ПГУ, 2002. – С. 25 – 28.

Поступила 07.12.2012

DEVIATIONS FROM THE TEXT IN THE ACTS OF READING ALOUD

M. POUTROVA

The article considers typical deviations from printed or written texts in authentic acts of reading aloud, performed in four cultures: American, Belarusian, English and Russian. The paper gives a list of such deviations and analyzes two of them, inserts or introductions into the text of some fragments which have never been part of it and omission of the segments which belong to the text. The article also establishes frequency of the deviations and studies them from Gender perspective. Inserts in female reading turned out to be three dimensional: they are either signals of the emotional state of the readers or of their interpretation of the meaning of the text. They can also be markers of their appeal to the listener. This variety of reading aloud can be presented with the help of the model 'text, the listener and the reader of the text'. In male reading inserts are mainly signals of their thinking over the meaning of the units in the text. This type of reading out can be best represented through another model: 'text and me, the reading subject'.